

Элизабет Гафри

СВЕТОМ ПРОКЛЯТАЯ

Эротическое фэнтези

УДК 82-993
ББК 84-4
Г24

Г24 **Гафри Э.**
Светом проклятая: Эротическое фэнтези / Элизабет Гафри – М.: Lennex Corp,
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 234 с.

ISBN 978-5-521-89735-3

Серафина сирота, выросшая в детдоме и не помнящая своего детства. Красивая, умная, но всегда окруженная женатыми мужчинами. Другие на нее даже не смотрят.

Герман Юрьевич – директор и руководитель Серафины. Женат. С его появлением, в жизни Серафины начинают происходить странные и необъяснимые вещи. Во снах преследует незнакомец, дарящий незабываемые жаркие ночи, который позднее материализуется в реальном мире в обличье высшего демона и грозиться забрать ее в Ад.

В поисках решения проблемы, Серафина понимает, что и Герман не совсем тот, кем хочет казаться.

Борьба за душу, веру и свободу. Предательство, обретение любви и жертва ради спасения человечества...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89735-3

© Э. Гафри, 2025

Оглавление

Глава 1.....	5
Глава 2.....	15
Глава 3.....	20
Глава 4.....	27
Глава 5.....	33
Глава 6.....	42
Глава 7.....	47
Глава 8.....	59
Глава 9.....	69
Глава 10. Преисподняя	79
Глава 11.....	88
Глава 12.....	96
Глава 13.....	107
Глава 14.....	115
Глава 15.....	124
Глава 16.....	136
Глава 17.....	147
Глава 18.....	158
Глава 19.....	175
Глава 20.....	180
Глава 21.....	192
Глава 22.....	206
Глава 23.....	213
Глава 24.....	220

Глава 1

Аромат окутывает сразу, как только он вторгается в моё пространство.

Сигареты, арбуз и ещё что-то терпкое.

Ведёт, тащит, взрывает.

Сердце бедное подпрыгивает к гортани и заставляет тело подрагивать. Борюсь с приступом отчаяния, которое не позволяет мне схватить его прямо здесь. На миг закрываю глаза и моментально распахиваю снова. Отстраняюсь, чтобы не чувствовать его запах, но тщетно. Он повсюду... Как зелье ведьмы заполняет носовые пазухи. Изнутри сотрясает, как в девятибалльный шторм. Голова кружится.

Отойди. Не приближайся. Исчезни.

Он, как локомотив, сносит все мои барьеры. Заставляет нарушать правила и стирать границы. Да что ж такое-то?

Знаю его, как и меня, терзают мысли: «отпусти себя, дай волю, возьми...». Потому что каждый день сражаюсь с этими же приверженками Ада, которые толкают на грех.

Борьба изматывает. Уже три месяца моя душа терзается каждодневными встречами с ним... плотное и близкое общение. Один проект на двоих, который вообще не должен был случиться.

И это длится уже слишком давно, как издевательство с самой юности. Почему не могу построить нормальные отношения? В чём причина? Почему на меня смотрят только женатые? Что со мной не так?

Стою в туалете, брызгаю водой в лицо и смотрю на себя в зеркало. Красивая. Стройная. Высокая. Белая ровная кожа, маленький аккуратный прямой нос, розовые припухшие губы, как у девушки, которая только что втайне за углом целовалась, длинные пушистые ресницы, обрамляющие огромные голубые глаза. Полукруглые брови и ровное, не симметричное каштановое каре.

– И вот что с тобой не так? Красивая же..., – тыкаю пальцем в своё отражение.

Только взгляд грустный. Я уже и забыла, когда последний раз смеялась беззаботно.

И надо ж было угораздить влюбиться в своего шефа... женатого мужчину.

Я уже даже не удивляюсь. Нормальные отношения не для меня. Наверху явно кто-то развлекается. Не важно, где и при каких обстоятельствах я знакомлюсь с мужчиной, будь то метро или бар, спортзал или работа, он обязательно окажется женатым. Другие просто не обращают на меня никакого внимания.

Терзаемая вечными сомнениями: «можно или нельзя», «плюнуть на все или держаться», «это неправильно», я чаще всего соглашаюсь на такие отношения, потому что других просто не дано.

И не надо мне говорить про психологов, детство и всю эту чушь. Пройденный этап. Я сирота, выросла в приюте. В детстве не покопаешься, воспоминания лишь царапают душу. Родителей не помню. Меня крохой оставили у дверей серого убогого здания, которое и стало моим домом на последующие 18 лет. Благо мозгов хватило, и я училась как проклятая. Знания для меня были тем самым спасательным кругом для утопающего. Я не пила и не курила, как все мои сотоварищи по несчастью.

От одного вкуса табака на языке меня выворачивало, а алкоголь во мне надолго не задерживался. Пробовала. И вот странная штука – запах табака от него меня не смущал. Лишь немного раздражал пазухи, но сам запах я переносила спокойно.

Его прикосновения будоражили сознание, его голос убаюкивал и одновременно успокаивал, он вообще действовал на меня, как змей на жертву. И пользовался этим.

С недавних пор стал нарушать мое личное пространство, не боясь, что начну возмущаться. Садился всегда максимально близко, старался касаться меня локтем или вообще класть руку на плечо или шею. Приобнимал и называл: «Моя девочка, моё солнышко». Заботился, когда уставала, и следил, чтобы не осталась голодной, когда мы задерживались.

Это подкупало, но и приносило раздраз в мою убогую серую жизнь. Весело, с одной стороны, приятно, но больно, когда не твое. Чужое.

Все мысли рано или поздно стекались к нему и о нем. Вот и сегодня мы задерживались. На часах уже перевалило за 8, а мы вдвоем смотрим в монитор и правим документ, который, как всегда, нужен был еще вчера.

Герман Юрьевич по привычке берет меня за руку и тихонько отодвигает от клавиатуры.

– Давай я немного попечатаю, ты устала.

– Спасибо, – вынимаю руку из-под его и кладу как можно дальше.

– Голодная? – вдруг спрашивает ещё через пару минут.

На самом деле – безумно, но стесняюсь ему об этом сказать. Происходит заминка с моей стороны, воспользовавшись которой, он встает и быстро идет в свой кабинет. Возвращается уже с пачкой моих любимых галет с кунжутом.

– Кофе сделать? – протягивает пачку, а у меня от удивления челюсть падает. Откуда он знает, что я ем только это печенье? Или совпадение? Слишком часто они бывают именно с ним.

– Да, я сама сделаю – беру пачку, кладу на стол и встаю, чтобы сделать кофе.

– Сиди, сиди, я сделаю нам кофе.

Снова сажусь, все еще не отошедшая от шока. Через пару минут Герман Юрьевич ставит передо мной две кружки с ароматным кофе.

– Ну как, добила? – делает кивок в сторону монитора.

– Да, осталось совсем немного.

– Хорошо.

Садится рядом и снова клавиатуру подтягивает к себе, погружаясь в работу. До 10 вечера справляемся со всеми документами и правками. Я почти без сил, а еще домой ехать.

– Все, наконец-то, – восклицает мужчина, – отправляй поставщикам.

– Сейчас? – удивляюсь я.

– Да. Утром получают и уже к обеду, дай бог, пришлют с печатями.

Когда выходим на улицу, наспех прощаюсь и делаю шаг в сторону метро, но Герман Юрьевич берет за руку и тянет к себе.

– Куда ты собралась так поздно? Садись, я довезу до дома.

– Не надо, – смущаюсь я, – на метро доеду.

– Серафина, садись, говорю. Одну так поздно не отпущу.

– Вы же живете совсем в другой стороне. Да и семья волноваться будет.

– Не будет. Я часто приезжаю поздно.

– Хорошо.

Возвращаюсь и сажусь вперед.

«Что же ты такой хороший?» – проносится мысль.

Герман Юрьевич никогда не переходит границы, но всегда делает так, чтобы мы оказались как можно ближе. Обсуждает со мной все новости и сплетни, а иногда берет с собой курить.

Знаю, что по офису уже распускают сплетни. В лицо, конечно, не говорят, но за спиной шушукаются... Как же, ведь Герман Юрьевич очень красивый. Высокий, статный, с большими темно-серыми глазами, которые светлеют в солнечную погоду и темнеют, когда злится, и густыми волнистыми каштановыми волосами. У него большие руки с длинными пальцами и в меру крупными квадратными ногтями.

Иногда, в тайне от всех и даже с опаской для самой себя, я представляю, как этими руками он хватает меня за тонкую талию и сажает на стол в своем кабинете. Раздвигает мои колени и нагло втискивается в пространство между ног. Просовывает руку в волосы и тянет с силой назад.

«А ну-ка прекрати сейчас же, Серафина», – даю себе мысленно оплеуху, – «он же рядом сидит, а у тебя сердце бедное уже в галоп пустилось».

А еще он невероятно умен и харизматичен. Про таких говорят: бог всем одарил. Аналитический склад ума дал ему возможность за короткий срок достичь небывалых высот. Порой я не успеваю за ним, когда он считает в уме. А когда его пальцы летают по калькулятору, я вообще прихожу в дикий восторг. Это как наблюдать за игрой пианиста, только на офисном гаджете.

– Забей адрес в навигатор, пожалуйста, – протягивает шеф свой телефон.

– Какой адрес? – не сразу отхожу от своих мыслей.

– Ну, свой же, – улыбается мне, – совсем устала. Загонял я тебя, – улыбается Герман Юрьевич самой красивой улыбкой на свете.

Его улыбка – это вообще отдельное произведение искусства. Ровные крупные белые зубы с заостренными клыками, как у вампиров в фильмах. Видно, что все натуральное, свое. Природа не скупилась.

Беру телефон и все-таки набираю свой адрес. Отдаю. Какое-то время едем молча, и у меня в какое-то веке есть возможность насладиться видами ночной Москвы.

Я живу тут уже очень давно, и когда-то этот город будоражил мое воображение, но последние два года я совсем замкнулась в себе.

Последняя влюбленность в женатого, скандал и предательство дались мне очень тяжело. И вот, когда я думала, что наконец, пришла в себя, все отпустила, и больше мне ничего не грозит, как на новой работе случилось «снова-здорово».

Я перестала куда-либо выбираться. Друзья... как-то растворились на просторах жизненной мясорубки и у меня практически никого не осталось. Есть один очень близкий человек – соседка и по совместительству подруга – Катя. Но даже несмотря на то, что мы живем на одной лестничной клетке, Катя последнее время заходит редко. У нее своя жизнь, муж и дети. Я немного не вписываюсь в ее суетливую семейную жизнь.

Поэтому вечера коротаю за книгой или рисую. Это единственное, что спасает от невыносимой тоски и напрасного жаления себя.

Конечно, иногда прорывает. Да так, что, наверное, слышат соседи, но сдержат рвущие сердце истерики не могу. Плачу навзрыд и прошу небеса меня услышать, но там давно нарастили глухую броню, и мои мольбы, скорее всего, отскакивают, как теннисные мячи от стенки.

– Серафина, Серафина-а-а, ты здесь?

– Ой, да. Что вы сказали? – пугаюсь, что прослушала все, что говорил сейчас Герман Юрьевич.

– Спрашиваю, кофе будешь? – снова улыбается мне, – ты где витаешь? Что-то случилось?

– Да нет, все нормально. Задумалась просто.

– О чем?

– Да так... – ухожу от прямого ответа, потому что не могу с ходу придумать что-то путное.

– Так кофе будешь?

– Нет, спасибо.

– А я выпью. Заедем на заправку, не против?

– Нет, конечно.

Герман Юрьевич снова замолкает, а я отворачиваюсь к окну, чтобы избавить себя от искушения рассматривать его профиль и по-мужски красивые сильные руки на руле. Последние вообще какие-то магические, я могу все время на них зализывать. На совещаниях так и делаю, чтобы не тонуть в его глазах и не давать повода надумывать лишнее.

Иногда мне кажется, что я какая-то безвольная кукла, которой можно играть, не задумываясь о чувствах. Злюсь на себя, а изменить ничего не могу. Столько раз пыталась, но на мне как будто стоит клеймо – «Только для женатых мужчин. Подходит на время».

Мысли становятся опасными, и я стараюсь их отогнать.

– Ты одна живешь? – влетает резкий вопрос, и я теряюсь от неожиданности.

«Что говорить? Врать или честно ответить?».

– Одна – решаю все-таки правду.

– Снимаешь?

Тут нужно аккуратнее. Квартира у меня своя – от государства досталась. Но я всегда ото всех скрывала, потому что много серых схем и махинаций. Детдомовские многие остаются без квартиры в первый же год после выпуска, потому что глупые подписывают документы, а мелкий шрифт не читают. Я знакома с азами юриспруденции и во всякие мутные дела не лезу. Квартира очень маленькая, я бы сказала крохотная, студия, но моя. Я сама сделала в ней ремонт. Покрасила стены и до сих пор что-то доделываю. Катин муж – Леша, иногда помогает прибить полки или сделать другую мужскую работу.

– Да, – все-таки вру я, от чего тут же ругаю себя и даже мысленно краснею. Ему врать получается с трудом.

– А чем вечерами занимаешься?

– По-разному бывает, – снова ухожу от ответа, – а вы?

– Я поздно приезжаю. Дай бог удастся ребенка уложить. Но чаще всего они уже спят.

Разговор затухает, не успев начаться, потому что мы подъезжаем к заправке. Герман Юрьевич выходит.

– Ты точно не будешь? – снова уточняет он.

– Нет, спасибо, – отказываюсь.